

© 1995 г. Г.А. ЗОЛотова

МОНОПРЕДИКАТИВНОСТЬ И ПОЛИПРЕДИКАТИВНОСТЬ В РУССКОМ СИНТАКСИСЕ

1. Признание предложения – основной коммуникативной единицы речи – и основной единицей синтаксической системы сейчас объединяет большинство грамматистов, независимо от того, какую лингвистическую концепцию они исповедуют. Вместе с тем, за этим очевидным, казалось бы, решением стоит целый ряд дискуссионных вопросов, которые в той или иной связи выплескиваются на страницы научной печати.

Быть коммуникативной единицей – значит выражать единицу коммуникативного содержания. Но известно ли, что это такое, как идентифицировать эти единицы? Коммуникативная единица манифестируется и простым и сложным предложением. Неоднократно поднимался вопрос о правомерности именования и простого и сложного предложения одним термином.

И независимо от именования, проблема соотношения простого и сложного предложения много сложнее, чем в школьно-арифметическом представлении: "Это сложное предложение состоит из четырех простых...". Известны опыты разграничения одночленных и расчлененных сложноподчиненных предложений, открытой и закрытой структуры, типизированной и нетипизированной, многоликость научных классификаций.

Само противопоставление простого предложения сложному не во всех случаях считается ясным. Беспроигрышное провозглашение "переходной зоны", или "переходной категории", дает новую этикетку, но не новое знание. Остаются пограничные конфликты между территориями сложносочиненного и сложноподчиненного предложения, нет согласованного взгляда на системное место бессоюзных предложений. Оправданна неудовлетворенность преподавателей и исследователей состоянием этого раздела грамматики. Жаль только, что нередко полемика заинтересованных авторов устремлена лишь на то, чтобы подвести спорное явление не под ту, а под иную рубрику учебной программы. Расходуя силы на перевешивание этикеток, мы втискиваем сегодняшнее наблюдение в свод вчерашнего знания и перекрываем себе дорогу к знанию завтрашнему.

Примятые многими авторами логические понятия *пропозиция*, *пропозиитивность* или попытки исчисления внеязыковых ситуаций – скорее паллиативы, усложняющие терминологию, поскольку категории действительности и мышления структурируются человеческим сознанием лишь через языковые средства, а лингвистические основания этих категорий остаются все еще не проясненными.

Конечно, каждая новая работа, вызванная к жизни заботой о положении дел в грамматической науке, полезна и тревожащим ум воздействием и конкретными наблюдениями, частными или общими. По-видимому, более плодотворными окажутся усилия, направленные не столько на перемещение и умножение терминов, сколько на выявление именуемых ими недоизученных лингвистических сущностей.

Кроме спектра собственно грамматических нерешенных вопросов структуры и типологии предложения, есть и другая сторона дела. В наше время, когда неотвратимо растет информативный поток, развиваются и множатся различные средства коммуникации, совершенствуются математические методы исчисления информации, перед

лингвистами стоит актуальнейшая проблема соотнесенности информации и средств языка. Вопрос прежде всего заключается в следующем: можно ли в языке найти соответствие единицам информации? Речь идет, разумеется, не об аксиологических, оценочных аспектах информации, не о таких ее признаках как достоверность, новизна, но о грамматических основах ее выражения.

2. Естественно допустить, что единица информации получает выражение в предикативной единице.

Предикативной считаем синтаксическую конструкцию, соотносящую имя признака (в широком смысле) с именем его носителя в категориях времени, модальности и лица. В таком понимании, восходящем к В.В. Виноградову, предикативность рассматривается как общее для любого предложения грамматико-семантическое значение данной единицы синтаксического уровня. Представление о предикативности как отнесенности содержания предложения к действительности не расходится с изложенным, поскольку содержание предложения и реализуется прежде всего в предикативном отношении предиката к субъекту через категории времени, модальности и лица, так что можно полагать, что в трактовке предикативности после многих дискуссий сложился некоторый консенсус.

Предикативная единица – это прежде всего простое предложение. Но предложение предложению рознь, в рамки простого предложения может заключаться очень разный объем информации. Сравним примеры:

(1) *Мчатся тучи* (А. Пушкин);

(2) *И ускоряя ровный бег, / Как бы в предчувствии погони, / Сквозь мягко падающий снег / Под синей сеткой мчатся кони* (А. Ахматова).

Оба примера представляют по общепринятой классификации простые предложения одного типа.

Для квалификации предложений более сложной структуры используются понятия полупредикативность и полипредикативность. Как спутники предикативности, они получили хождение в синтаксической литературе, но не получили терминологического статуса. Вряд ли удачно и само слово "полупредикативность", напоминающее школьный анекдот о полуострове как острове, деленном пополам. Но большинством авторов интуитивно осознается потребность в этом понятии, связанном с реальными явлениями усложнения информативной и грамматической структуры предложения. Обычно понятие полупредикативности связывается с "обособленными оборотами", были попытки объяснить ее через интонацию, пунктуацию, порядок слов, дополнительную смысловую нагрузку или экспрессивность. Простое предложение, включающее в свой состав такие обороты, становится полипредикативным.

В других работах полипредикативность считается только свойством сложного предложения, в противоположность монопредикативности простого. Иногда терминологически противопоставляют полипредикативности сложного предложения полипропозиitivность простого осложненного. Но поскольку под пропозицией понимается единица, содержательно соответствующая сообщению, она не может не быть предикативной. Очевидно, различия в именовании объясняются тем, что в предикатах простых предложений, организующих сложное предложение, категории модальности, времени и лица выражены, как правило, морфологически, наглядно, а в "пропозициях" такой наглядности нет.

Но если есть сообщение, даже редуцированное, "свернутое" до компонента простого осложненного предложения, язык не может не сигнализировать этого.

Лингвистическая задача и заключается в том, чтобы уловить эти сигналы, выявить способы, которыми язык оформляет "полупредикативность" (или "пропозиitivность") и определить соотношение этих понятий с понятием "предикативность".

3. Еще в 1947 г. В.В. Виноградов, констатируя неизученность относительного употребления времен русского глагола, привлек внимание к этой проблеме (см. [1]). Работы А. Белича, Н.С. Пospelова, Е.А. Иванчиковой и др. обогащали наблюдениями в области временных соотношений глагольных форм в сложном предложении и

в определенных типах текста. Введенный Р.О. Якобсоном термин "таксис" (от греческого "расположение по порядку") принят, вслед за Ю.С. Масловым и А.И. Смирницким, группой А.В. Бондарко, и в петербургской серии "Теория функциональной грамматики" понятие таксиса поднято на новый уровень категории, формирующей свое функционально-семантическое поле [2], ядром которого служит выражение значений одновременности/разновременности в отношениях между основной и второстепенной предикацией полипредикативного комплекса. Разновидности таксисных значений разрабатываются в основном на материале предложений с деепричастными конструкциями, но также и с причастными. Названным конструкциям, представляющим "зависимый таксис", противопоставлены полипредикативные комплексы с однородными сказуемыми, сложные предложения и сверхфразовые единства, демонстрирующие "независимый таксис". При том что в последнем термине наличествует нечто оксюморонное, очевидно, что и выбор полипредикативных построений из числа возможных и деление их опирается прежде всего на морфологическую "выраженность".

Перспективность понятий и относительного глагольного времени и таксиса в том, что они позволяют сделать дальнейшие шаги в грамматическом осмыслении поли- (и полу-) предикативности. Установлено, что время глагола (или, точнее, предиката, основного или дополнительного, вторичного) может быть либо свободным, соотносящимся с моментом речи, либо связанным, релятивным, таксисным, соотносящимся со временем основного предиката как одновременное или разновременное. Если такие два способа отсчета дает категория времени, одна из компонент предикативности, естественно предположить те же возможности у других категориальных компонент предикативности: модальности и персональности, то есть с точки зрения соотносительности с основным предикатом вторичные предикаты могут представлять ту же модальность или иную, то же значение лица или иное.

Требуется расширения и круг наблюдаемых конструкций. Значение действия выражается не только личными глаголами, деепричастиями и причастиями, но также инфинитивом и отвлеченными именами-девербативами. А таксисные отношения по линии времени, модальности и лица существуют между основными и вторичными предикатами не только глагольными, акционального значения, но и именными, выраженными разного рода субстантивными, адъективными формами признакового значения; в качестве носителей вторичной предикативности выступают также приложения, двойные глагольно-именные предикаты, сравнительные обороты, уточняющие, поясняющие конструкции, компоненты с каузативным, авторизующим, оценочным значением.

Справедливое утверждение Н.Д. Арутюновой, что "присутствие в простом предложении пропозитивных имен делает его семантически сложным" [3] требует уточнения: не только семантически, но и структурно.

Обратимся к приведенным выше примерам. Если предложение (1) представляет в одной предикативной единице один основной предикат со свободным значением настоящего времени, реальной модальности и 3-го лица, то в предложении (2) можно выделить 6 предикативных единиц, соотносящих признак со своим субъектом:

- 1) *кони мчатся*
- 2) *кони – под синей сеткой*
- 3) *ускоряя ровный бег* (о конях)
- 4) *в предчувствии погони* (о конях)
- 5) *погони* (о неопределенно-личном, потенциальном субъекте)
- 6) *мягко падающий* (о снеге).

Все предикативные признаки из этого предложения темпорально характеризуются одновременностью, кроме *погони* (между *предчувствием* и *погоней* – отношения последовательности); модально все признаки реальные, кроме ирреального допущения *как бы в предчувствии погони*; в плане категории лица здесь три субъекта – носителя

признаков. Таким образом, предложение (2) в целом, в отличие от (1), можно охарактеризовать как полисубъектное, политемпоральное и полимодальное.

Еще пример:

(3) *Я пришел к тебе с приветом / Рассказать, что солнце встало* (А. Фет). Здесь, кроме основного предиката *пришел*, три таксисных компонента: 1) *с приветом*, 2) *рассказать*, 3) *что солнце встало*. По линии времени первый обозначает одновременный с предикатом признак, второй не совпадает (потенциальное время инфинитива обращено в будущее по отношению ко времени предиката), третий не совпадает (предшествующее событие). По линии лица – один субъект *Я* – носитель трех признаков; у последнего признака другой субъект – *солнце*. По линии модальности 1 и 3 компоненты означают реальные признаки, как и предикат, 2-й – потенциальный.

Итак, относительные, таксисные значения предикативных категорий, заключенные в "полупредикативных" компонентах, в осложненном предложении создают следующие комплексы:

- моносубъектность – полисубъектность,
- монотемпоральность – политемпоральность,
- мономодальность – полимодальность.

Сказанное позволяет определить *полипредикативность* как соотнесенность или взаимодействие в рамках одной коммуникативной единицы двух или нескольких предикативных единиц, в каждой из которых есть свое сопряжение имени признака (предиката) с именем предмета (субъекта) и свои грамматические характеристики времени, модальности и лица, либо свободные, либо связанные, в релятивном, таксисном значении.

Свойство предикативных единиц, соотносящих имя признака и его носителя в таксисных категориях времени, модальности и лица по отношению к основной, эксплицитной предикативности предложения, проецирующих на действительность эти таксисные категории через соответствующие значения основного предиката – это и есть, надо полагать, грамматическая сущность тех построений, в которых находят "полупредикативность", или скрытую, имплицитную предикативность, или "синтаксическую компрессию".

Когда утверждают, что синтаксическая компрессия – это увеличение количества информации на одну единицу плана содержания, только привычное морфологизованное восприятие мешает увидеть, что у единицы плана содержания должен быть и план выражения. Средствами плана выражения здесь выступают и категориально-грамматическая структура признаковых компонентов, и видо-временные характеристики глагольных форм, и инвариантное значение потенциальности, свойственное инфинитиву, и частица *бы* как показатель потенциальной, или ирреальной, модальности и др.

Высказывалось мнение, что "в полупредикативных формах, если сравнить их с личными, потеряно противопоставление по наклонению, а также не может быть выражено отношение к лицу" [4, с. 161]. Но сама "полупредикативность" – явление синтаксического уровня, поэтому формулируя там же четыре правила "порождения сложных синтаксических единиц, включающих более одной предикации", цитируемый автор решающую роль отдает признаку совпадения / несовпадения субъектов основной и вторичной предикации. Это и есть признак моноперсональности/полиперсональности.

Противопоставление в той же работе полупредикации (причастной и деепричастной) вторичной предикации (в придаточном предложении), фиксируя известные формальные различия, затеняет общее в функциональной и структурной роли компонентов полипредикативной конструкции; кроме того, оставляет за рамками наблюдения и сопоставления другие способы выражения этих компонентов.

4. Выявление семантико-грамматической основы "полупредикативных" осложнителей простого предложения позволяет видеть в них соотносимые предикативные единицы, а соотносимость единиц по однородным признакам делает эти единицы считающимися, исчислимыми. Количество предикативных единиц в составе простого или сложного предложения характеризует его *информативную значимость*, или информативный объем.

Так, в наших примерах информативный объем

(1) получает выражение в 1 единице,

(2) — " — — " — в 6 единицах,

(3) — " — — " — в 4 единицах.

5. Из изложенного понимания предикативных единиц и их признаков вытекает классификационное следствие. Поскольку сложное предложение стоит в ряду полипредикативных конструкций (при том, конечно, что это конструкция с наибольшей эксплицированностью полипредикативной организации и соответственно с большей дифференцированностью значений), для классификации содержательнее представляется деление не на простые и сложные предложения, а на монопредикативные и полипредикативные. Возьмем для примера еще известный текст (из V главы "Евгения Онегина"):

*Татьяна, по совету няни
Сбираясь ночью ворожить,
Тихонько приказала в бане
На два прибора стол накрыть;
Но стало страшно вдруг Татьяна...*

И первые четыре строки и пятая по традиционной классификации представляют простые предложения. Первое осложнено деепричастным оборотом. Но только ли им? В самом деепричастном обороте, сообщаящем о намерениях Татьяны (*сбираясь ворожить*), говорится еще о предшествующем действии другого субъекта (*по совету няни, няня советовала*); действие Татьяны *приказала* адресовано неопределенно-личному (не названному за ненадобностью) исполнителю потенциального действия *накрыть стол*. Таким образом, в этом будто бы простом предложении обнаруживаются четыре предикативных единицы и грамматические значения полисубъектности, политемпоральности, полимодальности. В предложении *Но стало страшно вдруг Татьяна* — одному субъекту приписывается один предикативный признак состояния. Какая же грамматическая квалификация имеет большую познавательную ценность: признание обоих предложений простыми или одного монопредикативным, а другого полипредикативным, организованным четырьмя предикативными единицами?

Правомерность последнего решения подтверждается тремя аргументами:

а) Полипредикативные конструкции располагают богатыми возможностями синонимических преобразований (трансформаций, вариаций), замен одних предикативизирующих средств другими как в пределах простого осложненного предложения, так и с выходом в структуру сложного предложения. Возьмем произвольный пример:

*Гость вошел в комнату и поклонился.
Гость вошел в комнату с поклоном.
Войдя в комнату, гость поклонился.
Вошедший в комнату гость поклонился.
Когда гость вошел в комнату, он поклонился.*

В каждом из синонимических построений этого ряда одному субъекту приписывается по два акциональных признака; все эти предложения характеризуются полипредикативностью (информативная значимость равна 2 единицам) при моносубъектности, мономодальности и политемпоральности (действия одновременны, последовательны).

Подобный ряд синонимических преобразований может быть более или менее полным, это зависит от словообразовательных возможностей, а также от смысловой и стилистической целесообразности. Но сама коррелятивность полипредикативных конструкций с элементарными простыми, с одной стороны (*Гость вошел. Он поклонился*), и со сложным предложением, с другой стороны, может служить критерием принадлежности ее к этому ряду.

Некоторые специалисты не признают синонимичными конструкции типа *После обеда он прилег отдохнуть; Когда он пообедал, он прилег отдохнуть; Пообедав, он прилег отдохнуть* на том основании, что в первом примере они видят непредикативное обстоятельство времени, во втором – предикативное, в третьем – полупредикативное, то есть будто бы "единицы разных синтаксических уровней". Привычно квалифицируя технику оформления конструкции, не замечают общности именно грамматических значений – общности в выражении таксисных предикативных значений времени, модальности, лица вторичных предикативных единиц по отношению к первичному, основному предикату. Именно это грамматическое значение делает сопоставляемые конструкции единицами одного ранга – полипредикативными, объединяющими на таксисной основе по две предикативных единицы в одном предложении, которое сообщает о последовательности двух реальных действий одного лица (моносубъектность, мономодальность, политемпоральность).

б) Материалы русской разговорной речи также могут служить подтверждением данного критерия. Сопоставление с литературными кодифицированными конструкциями остается основным приемом описания разговорных явлений в работах этого направления. Эксперименты авторов, возводящие некодифицированные построения к "нормативному фону", и опираются интуитивно, имплицитно на соблюдение таксисных предикативных характеристик полипредикативных конструкций, ср.:

- (1) *За перила держались, когда спускались* (КЛЯ, РР)
- (2) *За перила держались, спускаясь / или: держась, спускались* (КЛЯ)
- (3) *За перила держались спускались* (РР) [4, с. 165].

Во всех трех вариантах два предикативных признака, по-разному оформленных, но монотемпоральных и мономодальных, относятся к одному субъекту. Там же:

- Она уезжала на гастроли / дала мне ее*
Она когда уезжала на гастроли / дала мне ее
Она, уезжая на гастроли, дала мне ее

(моносубъектность двупредикатной конструкции при мономодальности и политемпоральности; ср. еще возможный синоним: *Она перед отъездом дала мне ее*).

Конструкции с инфинитивом могут получить более точную предикативную характеристику. *А школа у нее была тут же, вот только улицу перейти*. Роль инфинитива заключается здесь не в "снятии идеи субъекта действия" [4, с. 170], а в выражении потенциальной (долженствовательной) модальности и обобщенно-личного значения субъекта действия, при ином субъекте (школа) и локативном предикате первой предикативной единицы; в то же время вторая предикативная единица по отношению к первой выполняет роль уточнителя локативного признака.

Ср. еще пример из разговорных записей: *Почты не было, ты шел?* и его возможный вариант *Почты не было, когда ты шел* [мимо почтового ящика]? с общими характеристиками полисубъектности, мономодальности, монотемпоральности (при морфологической однородности форм глагольного времени очевидно реальное несовпадение временных планов: почта, если бы была, должна была попасть в ящик до того и находиться в нем какое-то время до момента ее обнаружения адресатом).

Характерна для разговорных полипредикативных конструкций минимизация категориальных сигналов: – *Там теперь очередь второе больше чем мы стояли* (разг.). Ср. нормативно-литературное: ... *чем была (тогда), когда мы (там) стояли*. Сопоставление двух одновременных ситуаций выражается количественно-компаративным предикатом первой единицы, союзом *чем* и минимумом темпоральных сигналов (*теперь / стояли*: наст./прош.), редуцировавшим вторую и третью единицы. И в разговорном и в литературном вариантах конструкции – три предикативных единицы, со значениями полисубъектности, мономодальности, политемпоральности.

Опущение избыточных категориальных сигналов, особенно в диалоге, структурно облегчает и выражение темо-рематических отношений: – *Когда вы стали лечить?* – *Я стала лечить пошла уже на пенсию* (Телевизионная беседа с экстрасенсом. 1992, янв.). В корреляции с вопросом, с искомой ремой, заданной вопросительным наречием времени, но без темпоральных союзов (*когда, после того как*), ответная конструкция четко разделяется на тему и рему, каждая из которых представлена предикативной единицей, с общим значением моносубъектности, мономодальности и политемпоральности.

Интересно, что некоторые диалогические структуры включают в себе как бы прием проверки на полипредикативность. Вот записанный разговор: – *Говорят, он единственный в округе честный продавец*. Ответная реплика: – *Правда?*

Это *Правда?* может выполнять чисто фатическую функцию, для вежливо-безразличного поддержания разговора. Но если этот случай исключить, остается три возможных его значения: 1) Действительно ли это говорят?; 2) Действительно ли он честный продавец? 3) Действительно ли он единственный такой? Этот "критерий истинности" выявляет, что в предложении, простом (согласно традиционной классификации), в действительности "законспирированы" три предикативных единицы. Ответы *да* и *нет* тоже бывают такими проявителями полипредикативности.

Специфика разговорной речи в соединении предикативных единиц (особенности интонирования, наложения и совмещения, размывающие границы и др.), отмечавшаяся специалистами, не вызывает сомнений, тем не менее сама возможность сопоставлений и вариантов, сохраняющих таксисные предикативные характеристики, подкрепляет релевантность оппозиции монопредикативность / полипредикативность в противовес оппозиции простое / сложное предложение.

в) Третьим аргументом может служить практика межъязыкового сопоставления, перевода с русского на другие языки и с других на русский.

Приведем два примера, из повести современного французского писателя П. Модьяно (P. Modiano) и перевода ее на русский язык: "Il était petit, les épaules très larges, et il portait une veste de cuir noir" – "Он был маленького роста, широкоплечий, в черной кожаной куртке".

Формально здесь сложное предложение во французском тексте и простое в русском, но по существу в обоих случаях по три предикативных единицы. Возможно, хотя и реже, и обратное соотношение: "A la sortie de l'école, mon frère m'attendait, tout seul" – "У дверей школы меня ждал брат, он был один". Простое с обособлением предложения во французском и сложное предложение в русском соответствуют здесь двум эквивалентным предикативным единицам.

Ср. коррелятивность именных таксисных компонентов в русском тексте с придаточными предложениями в английских переводах: "С наступлением темноты она отправилась в путь" (Ф. Кривин. Родная коробка): "When darkness fell..." (пер. V. Korotky); "В такую пору по вечерам злая мачеха приоткрыла дверь" (С. Маршак, 12 месяцев): "... as evening came on..."

Известно, что не совпадают формально инфинитивная конструкция английского языка с придаточным предложением в русском в случаях, подобных следующему: "... I want you to drive my sheep to the mountain to-morrow" (O. Wilde, Tales): "... Я хочу, чтобы ты перегнал моих овец в горы завтра" (пер. Л. Осемян), но при этом сохраняются полиперсональная и полимодальная характеристики полипредикативной структуры.

На любом параллельном тексте можно легко убедиться в смысловой нерелевантности противопоставления простого полипредикативного и сложного предложений.

Верность перевода достигается не сохранением структуры простого или сложного предложения, а следующим правилом: при внутриязыковых синонимических преобразованиях осложненных конструкций, так же как и при переводе их на другой язык, должны сохраняться неизменными количество предикативных единиц, соединяющих свои потенции в единой структуре, и грамматические характеристики их предикативности. В этом грамматическая гарантия их эквивалентности.

В высококвалифицированных итальянских переводах "Евгения Онегина" Э. Ло Гатто и Э. Баццарели неточность смысла в одной строке из третьей главы (*Мне с плачем косу расплели...*), объяснимая несовпадением фоново-этнографических знаний, синтаксически представляет несоблюдение правила моноперсональности субъектов предиката *косу расплели* и девербативного компонента *с плачем* (ср. *и с пеньем... повели*):

- (1) *Di paura versai lacrime amare,*
ma del mio pianto senza darsi intesa,
(не обратив внимания на мой плач)
mi sciolsero le trecce e alla chiesa
- (2) *To piangevo amaramente di paura; mi*
sciolsero le trecce che ero tutta in lacrime
(мне, которая была вся в слезах)
*e mi condussero in chiesa coi cantici*¹

¹ Автор благодарит профессора К. Ласорсу-Сьедину, помогшую разобраться с тонкостями перевода.

От таксисно-предикативных характеристик зависит и набор синонимических возможностей. Так, нарушение отношений последовательности действий при политемпоральности не позволяет считать синонимами построения типа *Войдя в комнату, гость поклонился* и **Поклонившись, гость вошел в комнату* (ср. выше, при монотемпоральности: *спускались, держась за перила* и *держались за перила, спускаясь*). Полисубъектность выводит из синонимического ряда конструкции с деепричастным, а нередко и с девербативным компонентами: ср. *Гость вошел в комнату, и хозяин поднялся ему навстречу; Как только гость вошел, хозяин поднялся...; Хозяин поднялся навстречу вошедшему гостю.*

Моносубъектное, политемпоральное и полимодальное предложение с инфинитивом сохраняет синонимичность с предложениями, включающими девербативный компонент финитивного значения: *Студенты отправились в горы собирать гербарий; Студенты отправились ... на сбор гербария, для сбора гербария*, но не соответствовало бы мономодальным построениям с другими глагольными формами: *Студенты отправились... и собирают; Студенты, отправившись в горы, собирают; Студенты, отправившиеся в горы, собирают...*

Релятивное, таксисное значение времени может быть единственным для некоторых "полупредикативных" форм, так у деепричастных (кроме просторечных *выпивши, не евши, не спавши* и северозападных диалектных), так у темпоральных, каузальных девербативов (*после обеда, по возвращении, перед рождеством, во время каникул, по болезни, из-за непогоды, за ненадобностью* и др.); может накладываться на общее для морфологически однородных предикатов время: *входит и зажигает свет; вошел и зажег свет; когда вошел, зажег свет; когда войдет, зажжет свет*. Здесь прошедшее, настоящее, будущее обозначают время по отношению к моменту речи, но в предложении возникает разновременная последовательная соотносительность этих глаголов. Именно эта таксисная соотносительность предикатов в простом предложении или в главном и придаточном служит основанием для возможного их преобразования в конструкцию с деепричастием (*войдя, зажег свет*) или с причастием (*вошедший зажег свет*). При этом таксисные значения предикативности обоюдны, взаимнообуславливающи: если *вошел* или *войдя* выражают предшествующее действие, то, естественно, его партнер по предикативной конструкции, обозначающий другое действие, в любом морфологическом облике значение последующего действия сохранит. Ср.: *уходя, гасит свет; уходя, погасил свет; гасит свет и уходит; погасив свет, уходит; погасил свет и ушел; погасив свет, ушел; перед уходом погасил свет; перед тем как уйти погасил свет.*

Существенным является и коммуникативно-синтаксический критерий: представляя минимальную, низшую речевую единицу композиционно-текстовой структуры, границы которой могут совпадать с границами регистровых фрагментов, таксисная предикативная единица поддается морфологическим преобразованиям в данном тексте лишь в пределах своей регистровой функции. Ср., например, соотношение репродуктивно-повествовательных и информативно-описательных единиц в вариациях следующего текста (из "Невозвращенца" А. Кабакова).

(1) *"Сергей Иванович, сидящий на втором переднем месте, высунул в боковое стекло и укоряюще грозил мне пальцем"* (А. Кабаков);

(2) *Сергей Иванович, который сидел на втором переднем месте, высунувшись в боковое стекло, с укором грозил мне пальцем;*

(3) *Сергей Иванович, сидевший на втором переднем месте, высунул в боковое стекло, с укором грозя мне пальцем.*

Сформулированное правило синонимических преобразований полипредикативных конструкций представляется принципиально важным для теории и практики перевода, в том числе машинного, для теории и практики обучения языку и для информатики.

Вместе с тем, сопоставительные наблюдения показывают, что общее универсальное правило допускает некоторые частные отклонения, связанные с национальной спецификой техники языка. Скажем, *дорожка к беседке – le sentier qui mène au pavillon; фотографии на стенах – les photos qui ornaient les murs; письма из госпиталя – les lettres qu'il avait envoyées de l'hôpital*. Это примеры из рассказа К. Паустовского и перевода его на французский язык. Именным сочетаниям в русском соответствуют конструкции с придаточным предложением во французском, то есть французский дает плюс одну предикативную единицу. Трудно судить о степени свободы или необходимости в выборе переводчиком именно такого эквивалента, но предпочтения определенные. Расхождения объяснимы более развитой флективно-падежной системой русского существительного, дифференцированностью отношений статики и динамики (где и куда-откуда) в пространственных значениях.

Здесь объект для сопоставительного изучения зон структурных расхождений на

фоне общих универсалий. Не исключено и другое решение: может быть, наоборот, сопоставительными данными можно подтвердить эллиптичность и все-таки "полупредикативность" таких сочетаний в русском. Это вопрос для дальнейшей проверки.

Не стала бы утверждать, что это единственная частность, не до конца ясная. Возможны и другие конкретные затруднения, которые требуют дополнительного изучения и обсуждения. Но это уже не колеблет основного вывода о принципиальной исчислимости информативного объема предложений на семантико-грамматической основе.

6. Анализ полипредикативных структур способствует прояснению некоторых аспектов соотношения лексики и синтаксиса.

В связи со случаями синкретизма и контаминации в выражении видо-временных значений М.Я. Гловинская [5] предлагает тонкое толкование "предикатов с довольно сложным значением", среди которых упоминаются глаголы *выражаться* (в том, что...), *ограничиваться* (тем, что...), *оказываться*, (что...), *подтверждаться*, *получаться*, (что...) и под. В них автор обнаруживает как бы двойной смысл: постулирование какой-то ситуации в пресуппозиции и отражение этой ситуации в сознании говорящего (*Этот факт обнажил глубокое неблагополучие в системе школьного обучения; Тем самым подтвердилась истина, что все вещи несовершенны*). Устанавливается, что соединенные в одном глаголе точечное значение СВ и процессное НСВ "относятся к разным слоям смысла: один к ассерции, другой – к модальной рамке".

Если рассмотреть синтаксическую структуру приводимых примеров (от чего автор толкования абстрагируется), возникает прежде всего вопрос о материальном содержании понятия "пресуппозиции" (откуда мы узнаем о содержании пресуппозиции как первого компонента смысла?). Между тем в предложенных примерах есть выраженный отвлеченным именем компонент, и заключающий в себе этот смысл существования, бытия, этот компонент и называют часто "пропозицией". Именно действие, состояние, ситуация, названные этим именем, относятся к плану прошедшего времени (или настоящего расширенного): *существует (существовали) истина, программа, неблагополучие, расхождение...* Осознание этого явления или изменения в нём, констатируемые в плане настоящего, связываются с моментом речи. Время ситуации и время осознания, заявления о ней соотносятся как таксисные темпоральные значения в составе полипредикативной конструкции, между двумя взаимодействующими в этой структуре предикативными единицами ("пропозициями").

Представляется, таким образом, что более адекватным изучаемому объекту будет не толкование через модель "глагольная лексема + пресуппозиция", а анализ компонентного состава предложения на уровне категориально-семантических значений составляющих. Этот анализ выявляет, что "сложное значение" принадлежит не собственно предикату, а полипредикативной конструкции предложения. Два разряда глагольных лексем, фиксирующих ментальные процессы, авторизующие (речи, мнения, восприятия) и компликатеры (с каузативным или логически-операциональным значением), синтаксически реализуются именно в полипредикативных конструкциях.

7. Исчисление информативной значимости (состава предикативных единиц) предложения позволяет перейти к определению информативной плотности текста.

Тексты различаются степенью информативной плотности в зависимости от коммуникативного назначения, жанрово-стилистических, индивидуально-эстетических и др. особенностей.

Минимальную степень информативной плотности, "синтаксическую прозрачность" текста наблюдаем в жанрах детского рассказа, народной сказки. См. примеры:

(1) Л. Толстой. "Солдат".

"Горел дом. А в доме остался ребенок. Никто не мог войти в дом.

Солдат подошел и сказал:

– Я пойду.

Ему сказали:

– Сгоришь!

Солдат сказал:

– Два раза не умирать, а раз не миновать.

Вбежал в дом и вынес ребеночка".

(2) Б. Житков. "Как я ловил человечков" (фрагмент).

"Я закрылся одеялом с головой, сделал себе домик и маленькую дырочку. А из дырочки глядел, не шевелясь. Скоро я так присмотрелся, что на пароходике мне стало все отлично видно. Я долго глядел. В комнате было совсем тихо. Только часы тикали. Вдруг что-то тихонько зашуршало. Я насторожился – шорох этот на пароходике. И вот будто дверка приоткрылась. У меня дыхание сперло. Я двинулся вперед. Проклятая кровать скрипнула. Я спугнул человечка!"

В тексте (1), состоящем из 10 предложений, находим 13 предикативных единиц (7 монопредикативных предложений и 3 полипредикативных, содержащих по 2 единицы), информативный коэффициент его можно выразить как $13/10 = 1,3$.

В тексте (2) на 13 предложений приходится 9 монопредикативных и 4 полипредикативных, всего 17 предикативных единиц ($17/13 = 1,35$).

Иное соотношение между количеством предложений и их информативной нагруженностью наблюдаем, например, в тексте романа "Война и мир" Л. Толстого (фрагмент из 4 тома, гл. I, V):

(3) "На другой день, рано утром, дряхлый Кутузов встал, помолился богу, оделся и с неприятным сознанием того, что он должен руководить сражением, которого он не одобрял, сел в коляску и выехал из Леташиевки, в пяти верстах позади Тарутина, к тому месту, где должны были быть собраны наступающие колонны. Кутузов ехал, засыпая и просыпаясь и прислушиваясь, нет ли справа выстрелов, не началось ли дело? Но все еще было тихо".

В сложном социально-психологическом повествовании обнаруживаем 20 предикативных единиц, приходящихся на три предложения ($20/3 = 6,67$).

Подобная информативная насыщенность характерна для текстов, представляющих научную речь, газетную, деловую. См. примеры:

(4) Информативная заметка из Криминальной хроники (Изв. 1990. 8 окт.)

"При перевозке 7 сентября из изолятора временного содержания в народный суд города Бобруйска совершил побег арестованный за кражу Тарманов".

Здесь в одном предложении 4 предикативных единицы (полисубъектность, политемпоральность, мономодальность). Коэффициент $4/1 = 4$

(5) Объявление в московском троллейбусе:

"Безбилетными считаются пассажиры, не оплатившие проезд до следующей остановки после посадки".

В одном предложении 6 предикативных единиц (полисубъектность, политемпоральность, полимодальность). Коэффициент $6/1 = 6$.

(6) Фрагмент из книги В.В. Виноградова "Из истории изучения русского синтаксиса" (с. 167):

"Анализируя строй простого предложения, А.Х. Востоков обратил особенное внимание на синтаксические различия между простым и составным сказуемым и подчеркнул их важность для русского языка. Тем самым он выдвинул вопрос о формах выражения составного сказуемого, доказал его глубокое значение для изучения синтаксического строя русского языка и как бы наметил тему будущей докторской диссертации А.А. Потебни".

Здесь в двух предложениях научного текста обнаруживаем 10 предикативных единиц. Коэффициент $10/2 = 5$.

Что касается собственно количественных признаков, то показатель информативной ценности предложения должен уточняться еще двумя: во-первых, показателем иерар-

хической глубины, или этажности структуры, – в тех случаях, когда предикативные единицы относятся не к главному предикату, а одна к другой (в наших примерах:

в предчувствии рассказать,
погони что солнце встало);

во-вторых, исчисляется соотношение единиц сообщения и единиц номинации, то есть количество синтаксических компонентов в каждой предикативной единице и в среднем в тексте, в фрагменте текста. В отличие от предшествующих опытов исчисления длины предложения, опиравшихся на количество слов, не принимаются за считаемые единицы слова неполнознаменательные (например, фазисные, модальные, компенсаторные глаголы и их корреляты других частей речи). Это условие позволяет в определенных речевых ситуациях оценивать и качественный аспект содержащейся в тексте информации (об этом см., например, в [6]).

Три количественных показателя информации, содержащейся в предложении, отражают во взаимодействии соотношение смысла и структурных средств, а также характеристику типа текста.

Таким образом, разнородные, как казалось, аспекты проблемы связываются в один узел или, может быть, лучше сказать, вырастают как ветви из одного ствола, что само по себе, можно надеяться, свидетельствует о правомерности изложенного подхода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947. С. 543.
2. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А.В. Бондарко. Л., 1987.
3. Арутюнова Н.Д. Семантическое согласование слов и интерпретация предложения // Грамматическое описание славянских языков. М., 1974. С. 170.
4. Русская разговорная речь / Отв. ред. Е.А. Земская. М., 1973.
5. Гловинская М.Я. Диффузные видо-временные значения // Проблемы структурной лингвистики. 1985–1987. М., 1989. С. 83–95.
6. Золотова Г.А. О слове и деле. Неполнозначность в языке и в речах // Русская речь. 1992. № 1.